

М

ногим ли павловчанам сегодня известен образ «Ахтырско-Козельской» иконы Божьей Матери, почитаемый чудотворным? Ее первообраз «Ахтырский» был чтим русскими музыкантами, поэтами, художниками... А между тем в течение нескольких советских десятилетий XX века эта православная святыня сохранялась как семейная реликвия в Павловске Воронежской области. Поразительна и судьба этой иконы, и судьба ее хранителей, долгие годы остававшихся практически в неизвестности. Пришло время рассказать о них.

«Ахтырско-Козельская» икона Божией Матери

Как известно, образ «Ахтырской» Божьей Матери был явлен в XVIII веке, обнаруженный священником Покровской церкви села Ахтырки Харьковской губернии в начале июля 1739 года во время сенокоса около храма. Именование иконы, как это бывает часто, привязано к месту обретения святыни, но звучит оно необычно. Татарское название «Ахтырка» означает «Белый яр» и указывает на то, что на месте села прежде был татарский юрт — иначе говоря, стан кочевья. Знаковые переключки: харьковская Ахтырка, павловская Тахтарка... Эти, на первый взгляд, лирические сопоставления, возможно, совсем и не случайны, а провиденциальны.

Со времени обретения иконы неоднократно люди, с верою обращавшиеся к этому образу Богородицы, получали помощь, многие исцелялись от лихорадки и иных хворей. В 1751 году Святейший Синод принял решение: почитать икону как чудотворную.

С «Ахтырской» иконы был сделан ряд списков, в ее честь освящались церковные приделы в разных местах и строились храмы. Одна из современных копий с копии «Ахтырской» иконы была создана со списка, переданного в Новодевичий монастырь, и доставлена в ныне возобновляемый Вознесенский храм города Козельска. Почему именно туда? Потому что именно в этом храме был обретен в до-революционные времена, в XIX веке, еще один чудотворный список иконы, получивший именование «Ахтырско-Козельская» Икона Божией Матери. После революции в годы гонений на Православную Церковь козельский храм был закрыт и превращен в хозяйственное помещение мукомольного завода, а святой образ Богородицы был на долгие десятилетия сбережен верующими от поругания.

С историей моего рода и, в частности, моего прадеда по материнской линии Василия Алексеевича Жирова (28.01.1872–01.06.1963) и двоюродной бабушки Татьяны Васильевны Жировой (20.12.1896–03.02.1985) связана судьба именно этой, «Ахтырско-Козельской», иконы Божией Матери. Есть все основания полагать, что речь идет именно о подлиннике иконы. Точнее, о чудотворном образе Богородицы, обретенном на Калужской земле в городе Козельске в Вознесенском храме.

Эта икона перешла ко мне по материнской линии от двоюродной бабушки, Татьяны Васильевны Жировой, которая всю жизнь была членом нашей семьи, жила с нами до конца своих дней и умерла в Воронеже в возрасте 89 лет. Татьяне Васильевне икона была передана на сохранение ее отцом, Василием Алексеевичем Жировым, незадолго до его кончины на 92 году жизни (похоронен в Павловске Воронежской области на Старом кладбище в черте города — ул. Юлиуса Фучика, 7). А ему самому, благочестивому мирянину, икона была поручена с целью укрыть, сберечь этот святой образ в безбожные послереволюционные времена, когда по всей стране с остервенением методично разрушались, перестраивались и осквернялись церкви, монастыри, памятники прежней эпохи и исторические захоронения.

Эти сведения сообщила мне Татьяна Васильевна. Бабушка завещала мне икону «Ахтырско-Козельской» Божией Матери с наказом хранить ее до времени, когда атеизм изживет сам себя, и передавать потомкам только по прямой женской линии. В случае невозможности сделать это, очередная хранительница должна отдать образ в новый православный храм, не имеющий собственной святыни.

По Промыслу Божьему принять решение, определившее нынешнее местонахождение иконы «Ахтырско-Козельской» Божией Матери, суждено было мне, Римме Викторовне Лютой. В отсутствие прямых наследниц и наследников, имея проблемы со здоровьем, несколько лет назад я передала икону в дар строящемуся в Воронеже храму во имя святителя Антония (Смирницкого), архиепископа Воронежского и Задонского, чьи мощи до сих пор не обреты и находятся под спудом.

Адрес храма: город Воронеж, улица Тепличная, 22А. Икону принял настоятель храма протоиерей Николай Бабич, мой духовник в течение уже многих лет.

Описание иконы «Ахтырско-Козельской» Божией Матери, хранившейся в нашей семье

Писана икона на дереве, размер доски небольшой: без киота 11 см в высоту и 9 см в ширину. Киот не массивный, не изукрашенный: деревянный, гладкий, темно лакированный; внутренняя часть киота, обрамляющая икону, выполнена из покрытого позолотой гипса или левкаса, местами растрескавшегося от времени и

Лицевая сторона иконы

перипетий, которые образу пришлось претерпеть вместе с людьми; обратная сторона киота также выполнена из дерева и довольно сильно повреждена.

Сюжет и композиция образа «Ахтырско-Козельской» Божией Матери (как и первообраза ее, «Ахтырской») особенные, они выделяют эту икону в ряду иных Богородичных образов. Поэтому сразу следует дополнить описание указанием на символическое значение изображенных деталей, принятое в иконографии, которая восходит к образцам итало-греческого искусства. На лицевой стороне образа в левой его части — поясное изображение скорбящей Девы Марии с нимбом вокруг печального лика. Темно-русые волосы Ее открыты, плащ-мафорий не покрывает главы Пречистой, что говорит о незамужнем положении Девы Марии. Традиционно багряный цвет плаща-накидки

указывает на царственное происхождение Богородицы и, одновременно, на будущие Ее страдания. Две звезды украшают мафорий, на левом и правом плече, и это свидетельствуют о неизменном и совершенном девстве Богородицы — и до, и после Рождества Спасителя. Под мафорием видна туника, изумрудно-голубой цвет которой символизирует духовную и телесную чистоту Матери Христа; а отделка одеяния золотой каймой по вырезу горловины говорит о пребывании Ее в Божественном Свете и о причастности Ее к Славе Господней. На руках, соединенных ладонями в молитве — золотистые поручи: это знак сослужения Богородицы (а в Ее лице и всей Церкви) Первосвященнику Господу Иисусу Христу.

Справа от Девы Марии как внезапно возникшее, мгновенно материализовавшееся в воздухе страшное видение — Голгофский Крест с Распятием Сыном Пречистой, Спасителем и Господом нашим. Притом фигура Иисуса Христа на иконе изображена значительно меньшего размера, чем фигура Богоматери: этот пугающий образ будущего только пригрезился, явился Пресвятой Деве из пока отдаленного времени. Символика изображения торжественна, но драматична: зеленовато-темен фон иконы и скорбно выражение бледного лица Пресвятой Девы, молитвенно сжавшей руки и возведшей очи к Небесам.

По преданию, совсем юная Богородица во время молитвы увидела Крест и страждущего на нем Христа, Своего будущего Сына, и прошла всю дальнейшую жизнь, зная об этой Его судьбе. Таков изображенный на иконе образ Божией Матери — нашей Милосердной Заступницы и Владычицы Небесной, умудрившей Свое чистое юное сердце в великих страданиях.

На оборотной стороне иконы рукописный текст: «Изображение чудотворного образа Божией Матери АХТЫРСКО-КОЗЕЛЬСКОЙ, явленной во граде Козельске на чердаке Вознесенского храма 1868 года июня 6 дня, при священ. иерее Димитрии Соколове». И немного ниже: «С сим образом благодать моя и сила». Весь текст, т.е. оба эти свидетельства оформлены единой прямоугольной рукописной рамкой, в каждом из четырех углов которой, подобно маленькой печати, скрепляющей стороны рамки, изображен крест, заключенный в квадрат.

ИЗ ИСТОРИИ РОДА ЖИРОВЫХ

XX век своими драматическими общественно-политическими передрыганиями, войнами, революциями и репрессиями разрушил нормальный жизненный уклад и традиционную социальную структуру, коснувшись практически каждого рода в России. Понятно, что полноценную семейную летопись вести было невозможно, да и реалии атеистических советских времен, мягко говоря, предостерегали от фиксации достоверных фактов личной и родовой истории.

Попытаюсь хотя бы отчасти воссоздать цепь некоторых событий из нашей семейной истории на основе известных мне отрывочных сведений, а также описать характер участников этих событий, следуя от более давних к более близким временам.

Поразительно, но в истории культуры города Павловска значение рода Жировых до сих пор не обрело своей действительной величины. Более того, имя крупнейшего представителя этого рода, Василия Алексеевича Жирова, не просто неизвестно ни местным павловским, ни воронежским краеведам: оно словно было старательно вымарано из общественной памяти, а большая часть связанных с ним документов как будто умышленно уничтожена. Пока доступно в основном лишь то немногое, что сохранилось в семейном архиве. Причина этого «забытья», возможно, когда-либо проявится, но все может сложиться и иначе. Поэтому, скорее всего, сообщаемые здесь фактические сведения окажутся важны, а некоторые документы, не исключено, и уникальны.

Василий Алексеевич ЖИРОВ

Мой прадед Василий Алексеевич Жиров с 1902 года был соборным регентом Преображенского собора и преподавателем пения в Реальном училище, в Ольгинской гимназии и в Высшем начальном училище города Павловска Воронежской губернии, а также в течение многих лет — организатором и участником всех значительных культурно-музыкальных событий Павловска. Сама я видела Василия Алексеевича только будучи пятилетним ребенком на исходе его жизни, и судьба прадеда открыта мне лишь отчасти; там много странного и по сей день непонятного для меня несовпадений.

Первое. Василий Алексеевич Жиров записан как рожденный 28 января 1872 года в селе Высокое Лазинской волости Мосальского уезда Калужской губернии в семье крестьянина. В то же время в одной из анкет советского времени в графе «место рождения» им собственноручно указано: «г. Москва» (сохранился черновик анкеты, написанной В.А. Жировым). А дореволюционный гражданский статус, род занятий и профессиональное мастерство Василия Алексеевича были отнюдь не крестьянскими. По словам бабушки, отец Василия Алексеевича, мой прапрадед, был кулинаром в богатых московских семействах, а переехал в Москву из Гусь-Хрустального.

Оборотная сторона иконы

По крайней мере, В.А. Жиров именно из Москвы в начале XX века был приглашен на службу в Павловск — небольшой уездный город на реке Дон; здесь и окончил свои дни. Прадед был прекрасно образован — безусловно, излишне и не по профилю для сына крестьянина. Он окончил Московское Синодальное училище церковного пения и хора по специальности «Хоровое и регентское дело»; учился у композиторов Ипполитова-Иванова и Танеева; был членом Русского хорового общества, регулярно получал годовые отчеты его и, будучи в Москве, всегда посещал симфонические концерты Императорского Музыкального общества (некоторые из концертных программ 1890-х годов сохранились); писал каллиграфическим почерком и письма, и нотные тексты; легко читал сложнейшие нотные партитуры, сам сочинял церковную хоровую музыку, создавал и обработки народных песен. Имея красивый низкий певческий мужской голос (бас-профундо, или бас-октавист), Василий Алексеевич выступал также как профессиональный вокалист, исполнял оперные арии и романсы, при необходимости и аккомпанируя себе. Не говоря уж о том, что руководил не только учебными хорами, но и несколькими сводными павловскими хоровыми коллективами: мужским и смешанным хором; сводным хором церковных певчих; являлся душой и организатором многих концертных мероприятий, а также превосходно играл на фортепиано и скрипке.

Скрипок же Василий Алексеевич имел несколько, разного размера и все хорошего качества; одна из них была работы Амати. Ее он подарил своей музыкально одаренной внучке, моей маме, Тамаре Александровне Ивановой, освоившей в школьные годы скрипичное мастерство, а впоследствии уже в послевоенное время с отличием окончившей дирижерско-хоровое отделение Воронежского музыкального училища и ставшей педагогом. Я лично в детстве держал в руках этот драгоценный инструмент и помню его удивительный, слегка глуховатый, мягкий и глубокий звук. К сожалению, родители мои вынуждены были продать семейную реликвию за бесценок в трудные времена, чтобы похоронить внезапно скончавшуюся от инфаркта мою родную бабушку, Марию Васильевну Жирову.

О судьбе прочих скрипок ничего определенного сказать не могу: я родилась и росла в Воронеже, скрипки находились в Павловске. Один сохранившийся скрипичный футляр от прадеда, еще дореволюционных времен, стоивший, как написано на нем красным восковым карандашом, пять рублей в пору, когда за десять рублей можно было приобрести корову, летом 2019 года передан мною в дар Павловскому краеведческому музею.

Второе. При всех своих знаниях и изрядном профессиональном мастерстве в графе «образование» в анкете советского времени прадед указал: «низшее». Полагаю, он был поражен в правах и как «лишенец» вынужден был, по известным причинам, скрывать действительный уровень своей образованности и профессионализма. Обнаруженные архивные документы, связанные с жизнью семьи Жировых в начале советской эпохи, пока весьма отрывочны. Имевшийся рояль, большую часть мебели, посуды и нотной библиотеки реквизировали (очевидно, для нужд революции), а половина дома была захвачена: ее либо отобрали, либо выну-

В.А. Жиров. Москва. 1890-е годы

дили отдать или продать за гроши слугам новоявленных властей. Сохранилось письмо Василия Алексеевича к юрисконсульту Ивану Степановичу Пискунову, где прадед просит его совета в том, как можно разрешить тяжелую ситуацию с домом, куда вселены бесцеремонные и агрессивные посторонние люди.

Третье. В царской России к Василию Алексеевичу Жинову обращались в письмах «Ваше высокоблагородие». А по учрежденной Петром I в 1722 году «Табели о рангах» это титулование используется при обращении к лицам, имеющим чины VI–VIII классов (то есть штабс-офицерские, или средние чины); так же обращались и к их женам. И предположить, что в царской России к кому-либо обращались «не по чину», невозможно. Даже общим для всех дворян титулом — «Ваше благородие» — выражалось благородное происхождение потомственного дворянина, его принадлежность к роду, чьи заслуги перед отечеством официально были признаны (или отмечались личные достижения при личном дворянстве). В 1832 году этот общий титул получили и почетные граждане. Очевидный факт: Василий Алексеевич Жиров был и титуловался как дворянин, имевший к тому же весьма значительный чин по «Табели о рангах».

Он был приглашен из Москвы в Павловск Воронежской области местными предпринимателями и купечеством (Одинцов, Зайцев, Меркулов, Антонов) еще в 1900-м году. Это был шаг, надо сказать, весьма разумный и перспективный с точки зрения развития культуры города. В ту пору Павловск отнюдь не был безынтесным уездным захолустьем, а напротив, представлял собою место, приятное для проживания людей семейных и серьезных — как ныне говорят, человеко-ориентированное. От Москвы не так уж далеко, торгово-промышленный уклад крепкий, верфь и речной порт действуют, имеется пожарная часть, Казначейство, Дворянское собрание, купеческий клуб, Высшее начальное училище... Город, основанный в 1709 году Петром Первым, обладал гармоничной архитектурой, умеренный климат радовал, судоходный Дон и природные красоты добавляли ему привлекательности; здесь находился красивый каменный Преображенский собор, неподалеку — Покровский и Казанский храмы; впечатляли комплексы зданий Ольгинской женской гимназии и Духовного училища...

Тридцатилетний Василий Алексеевич согласился принять приглашение павловчан, тем более что местные власти предложили ему в Павловске на выбор несколько домов для оперативного переселения из Москвы. Прадеду понравился дом на углу улиц Набережной и Никольской, 1880 года постройки, из мореного дуба, обложенного кирпичом, с видом на донские просторы, принадлежавший наследникам Студенцовым. Его он и приобрел, и переехал туда с семьей в 1902 году.

1 июля 1902 года открылось Павловское реальное училище, сначала в небольшом доме в центральной части города; но постройка нового просторного здания, ставшего одной из достопримечательностей Павловска, долго ждать себя не заставила. Преподавателем пения с самого начала деятельности этого учебного заведения и стал талантливый и образованный московский педагог Василий Алексеевич Жиров.

Однако педагогическая работа была лишь малой частью того многообразного кипучего существования, в котором реализовала себя его активная натура. Соборный регент Преображенского собора и руководитель хора в Реальном училище, он стал организатором и участником множества концертов с участием возглавляемых им павловских сводных мужского и смешанного хоров, сводного хора певчих и многих его воспитанников...

Сохранившиеся афиши начала прошлого века дают представление о напряженной и плодотворной его деятельности на ниве павловской культуры. Фактически все значимые концерты в городе формировались с участием коллективов, возглавляемых В.А. Жировым, а также включали его выступления как вокалиста, сольные и ансамблевые.

Под управлением Василия Алексеевича в Павловске зазвучали ярчайшие партитуры, шедевры русской хоровой школы: Д. Бортнянский, М. Глинка, П. Чайковский, П. Чесноков, А. Даргомыжский, С. Рахманинов, А. Кастальский, М. Иполлитов-Иванов, А. Рубинштейн, А. Гречанинов, Н. Черепнин, Вик. Калинин, А. Архангельский, Э. Направник... Таких программ академической хоровой и вокальной музыки нынче, увы, и представить себе трудно не только в провинциальном, но и в губернском городе. Исполнялись и собственные сочинения В.А. Жирова: в храмах — богослужебные хоры, в концертах — ансамбли на стихи русских поэтов и обработки народных песен.

Василий Алексеевич собрал солидную музыкально-нотную библиотеку, включавшую как партитуры, так и профессиональный теоретический материал: книги, брошюры. Большая часть библиотеки, к сожалению, о чем уже упоминалось, оказалась утрачена.

Он был чрезвычайно — глубинно, а не показательно — набожен; в павловском доме напротив его спального ложа в отдельном кабинете, выгороженном нотными шкафами из палисандрового дерева, имелся большой иконостас, скрытый за непрозрачными дверцами массивного шкафа. Последняя предосторожность была особенно актуальна в советскую эпоху. Помню, что видела ребенком этот таинственный шкаф и я; помню прадеда, очень худого и как будто прислушивавшегося к чему-то внутри себя, словно уставшего ждать чего-то, подобно Симеону Богоприимцу... Помню его стройные «музыкальные» пальцы, уверенно державшие длинный смычок и что-то прекрасно-волшебное игравшие на скрипке...

Регулярные концерты с участием В.А. Жирова формировали общественную среду Павловска и имели огромное нравственно-воспитательное значение.

Так, скажем, сбор от концерта 22 февраля 1904 года предназначался «на усиление средств на нужды родного флота»; 14 ноября того же года сбор был направлен «на покупку теплой одежды для войск Дальнего Востока»; 2 февраля 1905 года деньги от продажи билетов на концерт собирались «в пользу беднейших семейств, призванных на Дальний Восток запасных нижних чинов г. Павловска»; 5 февраля 1906 года — «на усиление средств Павловского Благотворительного общества»; 8 марта 1909 года — «на усиление средств Родительского комитета Реального училища» и так далее.

Будучи отцом многочисленного семейства, состоявшего из супруги Марии Ивановны, десятих детей (еще двое умерли во младенчестве) и двух вдовых бабушек — собственной матери Евдокии Ивановны Ждановой и тещи Надежды Семёновны Шапошниковой (в замужестве Щипановой), — Василий Алексеевич умел находить общий язык с представителями старшего и младшего поколений, любил и понимал детей, и не только своих. Благодарные письма от учащихся заведений, в которых он преподавал, — тому подтверждение. Являясь человеком не богатым, но живущим в определенном достатке, он особенно сочувствовал и стремился помочь нуждающимся и страдающим детям, и они отвечали ему ответным доверием и благодарностью. Неудивительно, что один из его павловских воспитанников, которому с юных лет по-отечески помогал советом и делом Василий Алексеевич, до самой кончины В.А. Жирова регулярно писал письма «Дорогому В.А.Ж.» — письма, исполненные любви, заботы, стремления снова и снова повидаться в Павловске, чтобы пообщаться лично. А отправителем их был Виктор Александрович Коноплев, впоследствии — иерарх Русской Православной Церкви, епископ нескольких епархий, в конце жизни — митрополит Калининский и Кашинский Алексей. Эпистолярное наследие это показывает, как велика роль настоящего умного и сердечного преподавателя в воспитании крупной личности — православного иерарха, каковым стал со временем одаренный мальчик из обычной провинциальной семьи, рано оставшийся без родного отца, но, по счас-

тью, с отроческих лет получивший опеку и духовную поддержку своего мудрого наставника и учителя — Василия Алексеевича Жирова.

После скоропостижной смерти сорокашестилетней супруги Марии Ивановны Василий Алексеевич больше не вступал в брак. В круговороте испытаний для профессионального православного музыканта, умевшего ценить гармонию, главным стержнем и смыслом жизни осталась глубокая Вера. Он стремился сохранять и создавать прекрасное, а душевной опорой, вкупе с семьей, стала для него работа и общение с воспитанниками.

А бремя домашних забот и воспитание всех многочисленных детей, оставшихся у Василия Алексеевича Жирова после кончины супруги, взяла на себя вторая по старшинству дочь — Татьяна Васильевна Жирова (старшая дочь Анастасия Васильевна уже состояла в браке).

По словам дочери В.А. Жирова Татьяны Васильевны, отец ее Василий Алексеевич и до, и после 1917 года часто ездил из Павловска в Калужскую губернию: в Козельск и в Оптину пустынь. Но с кем состоялись там его встречи, с кем вел прадед регулярные духовные беседы — мне осталось неизвестно. В одно из таких посещениях Козельска и была передана ему чудотворная икона «Ахтырско-Козельской» Божией Матери, долгие годы сохранявшаяся в нашей семье.

А после революции прадед особенно часто повторял дома кондак Романа Сладкопевца «Плач Адама», исполняемый в храме в Неделю сыропустную, и не оставил этой привычки и после известного постановления советского правительства 1928 года о запрете регентско-композиторской деятельности.

Татьяна Васильевна ЖИРОВА

Моя двоюродная бабушка, Татьяна Васильевна, родилась в Москве 30 декабря 1896 года. В Павловске Воронежской области, куда семья Жировых в 1902 году переехала из Москвы, Татьяна Васильевна жила до 1935 года. Приняв на себя заботы об остальных братьях и сестрах, она отказалась от собственной семейной жизни, расторгла помолвку с женихом, австрийским подданным, и все остальное время до последних дней своих сохраняла девство. Самой младшей из жировских детей, оставшейся у Татьяны Васильевны на руках, была моя родная бабушка — Мария Васильевна. Впоследствии она вышла замуж за Александра Сергеевича Иванова, и в Павловске в этом браке родилась моя мама, Тамара Александровна Иванова.

В годы гражданской войны множество детей лишилось и дома, и родителей. Придонье наполнилось такими малолетними страдальцами. И, спасая чужих детей от гибели в смутное и голодное время, выпускница Ольгинской гимназии с отличным знанием Закона Божьего, математики, которую очень любила, а также немецкого и французского языков, деятельная и милосердная христианка Татьяна Васильевна Жирова организовала в Павловске детский дом, где стала и директором, и педагогом, и воспитателем...

Большинство детей Василия Алексеевича разъехались по городам и весям; на работу и жительство в Воронеж перебравлась семья Ивановых; уехала в областной центр и Татьяна Васильевна. Она регулярно навещала оставшихся в Павловске близких: старшую сестру Анастасию Васильевну Жирову и пожилого отца Василия Алексеевича, который особенно доверял своей самоотверженной дочери Татьяне и всегда с любовью называл ее «наша Танечка».

Татьяна Васильевна Жирова перенесла все тяготы XX века: Первую мировую и Гражданскую войну (имея свидетельство об окончании курсов сестер милосердия и дореволюционного, и советского образца); претерпела лихолетье большевизма, с упоением разрушающего «старый мир», и голод 1930-х годов; с младшей

сестрой Марией и малолетней племянницей Тamarой была в фашистском пересыльном лагере на Западной Украине в период Великой Отечественной войны. И всегда возила с собою, храня на груди, небольшую икону особенно чтимого ею святого Серафима Саровского. И до, и во время, и после войны Татьяна Васильевна много работала, была востребована как отличный, предельно честный бухгалтер; в зрелом возрасте была оперирована по диагнозу «рак гортани», успешно; потом воспитывала меня и брата, даже и моего сына — своего правнука — окружила на два с половиной года его младенчества мудрой заботой.

Я родилась в Воронеже, и именно двоюродная бабушка Татьяна Васильевна, будучи членом нашей семьи, фактически оказалась при мне домашней бабушкой-воспитательницей с гимназическим дипломом «домашней наставницы». С младенческих дней живо помню ее рядом — маленькую, худенькую, интеллигентную и бесконечно любящую «нашу Танечку».

Родная моя бабушка, Мария Васильевна, оставшись в первый же год войны вдовой, в нездоровье своем жила отдельно в небольшом частном домике, который принадлежал Татьяне Васильевне, в пригороде Воронежа — на улице Ухтомского, 34, у Курского вокзала. Шумная коммунальная квартира на пятом этаже в центре города, на улице Кирова, где обитала наша семья Харченко, не годилась для бабушки Марии: она страдала болезнью сердца, полученной в военные годы на разгрузке вагонов, и ей требовался свежий воздух и более спокойный жизненный уклад. И все же жизненный путь ее не был долгов: Мария Васильевна умерла в возрасте 59 лет в санатории во сне — от разрыва сердца; мне тогда было только девять. А бабушка Таня, тихий ангел-хранитель семьи, еще долго жила с нами — и это счастье, что она была рядом... И с первых дней моей жизни несколько раз в году вывозила меня из городского плена «на волю» — в любимый Павловск.

Долгое время жилье наше в воронежском многоквартирном доме «сталинского» проекта постройки 1956 года было коммунальным; соседней расселили, когда родителям моим было уже за сорок. Татьяна Васильевна уединялась, чтобы отдохнуть ночью или почитать что-либо свое в отдельном углу комнаты, который был отгорожен для нее от прочего пространства густонаселенной жилой территории высоким шкафом и длинными шторами на специально изогнутом моим отцом багете. Это была ее небольшая келья, где, полагаю, бабушка ежедневно молилась, хотя жизнь духа в советские годы, за редким исключением, оставалась ее личной территорией. Нередко звучащее сегодня благодаря книге о Тихона (Шевкунова) парадоксальное и точное сочетание «несвятые святые» полностью приложимо к судьбе Татьяны Васильевны Жировой. Кристально честная и чистоплотная во всем; умная, доброжелательная, миротворная, интеллигентная и хорошо образованная; книгочеловек с абсолютно ясным умом до последнего вздоха. Притом — мастерица-рукодельница (бабушка вязала, шила, вышивала и чего только не умела), замечательная кулинарка, умудрявшаяся быстро и вкусно готовить на семью из минимума продуктов; всем помощница, незаметно бравшая на себя самые разные посильные для нее хлопоты... Расторгнув помолвку в молодости, она никогда больше не искала замужества, не имела своих детей. И, вероятно, живя в атеистическом государстве, была тайной монахиней в миру. Последнее это понимание пришло ко мне уже после ее ухода, да и то отнюдь не сразу.

Бабушка Таня оставила мне в наследство благодарную память о своей бесконечной любви и заботе, а главное — опыт подлинно православной жизни. Дореволюционную «Библию» на старославянском языке... тяжелую настольную лампаду на подставке... некоторые документы из частично сбереженного ею семейного архива. Среди нескольких особо хранимых ею книг и старинных икон был один небольшой образ: небольшая темноватая икона с неясным изображением женс-

кой фигуры и распятием в деревянном киоте. Как обнаружилось впоследствии — «Ахтырско-Козельская» икона Божией Матери.

Татьяна Васильевна скончалась дома у меня на руках (в буквальном смысле) от эмфиземы легких, стремительно развившейся как осложнение после гриппа. Я в ту пору была в декретном отпуске по уходу за ребенком и находилась дома, но болела тем же гриппом с высокой температурой, хотя и была рядом, готовая помочь при необходимости бабушке или обиходить своего маленького сына. В какой-то момент бабушка позвала меня, задыхаясь, попросила посадить ее на кровати и побыть рядом. Произнесла: «Я вот-вот умру. Ты же выполнишь то, о чем я недавно просила тебя, и ты поможешь мне и спасешь то, что надо?.. Видимо, принимать решение придется тебе, понимаешь?..» — «Да-да, конечно, — скорее пообещала я, желая ее успокоить, привыкнув к тому, что домашние воспринимали меня как семейного лекаря. — Сейчас свежей теплой водички тебе попить принесу, легче дышать будет, и врача вызову». Выйдя из комнаты, я сразу привнесла в скорую помощь, но когда вернулась из кухни с чашечкой воды, бабушка Таня уже не могла говорить и вскоре, вздохнув в последний раз, отошла. Скорая помощь приехала через три часа после вызова, и врачи только констатировали смерть.

Татьяна Васильевна Жирова похоронена в семейной ограде на Коминтерновском кладбище Воронежа рядом с сестрами Марией Васильевной и Зинаидой Васильевной Жировыми, своей племянницей и моей мамой Тамарой Александровной Харченко, моим отцом Виктором Ивановичем Харченко и моим сыном — своим правнуком Родионом Вячеславовичем Лютым.

После кончины бабушки Тани я не сразу поняла, о чем она напоминала мне в последние мгновения своей жизни. Мы с нею были очень дружны, она всегда давала мне мудрые житейские советы, обучала рукоделию и вместе со мною решала сложные школьные математические задания, если что-то у меня не получалось; вообще многому учила, в том числе и своим примером, и время от времени позволяла листать толстенную «Библию», напечатанную на тончайшей бумаге, а по достижении мною шестнадцати лет отдала мне золотой нательный крест своей мамы, моей прабабушки, Марии Ивановны, и ее же изящный комплект украшений (браслет и серьжки червонного золота).

В наших не частых, но регулярных беседах Татьяна Васильевна аккуратно, постепенно, малыми дозами давала мне поражающую мою душу информацию, рассказывая мне о некоторых событиях из нашей семейной истории, показывая старинные фотографии, письма. Записывать ничего не велела. Казалось, отчего-то я занимала какое-то особенное место в ее мыслях, и я радовалась этому вниманию моей замечательной мудрой и строгой, но очень любящей домашней подруги. Благодаря тем разговорам история нашего рода понемногу открывалась мне. К сожалению, пришедшему позднее, тогда я, отвлекаемая учебой в

Т.В. Жирова. Павловск. 1960 г.

двух школах, потом занятиями в музыкальном училище, театром, чтением и множеством мирских интересов, которыми живет молодость, мало ее слушала, а слушая, не все усваивала. И многое вовремя было мною не понято, а невосполнимое количество ценных деталей и фактов оказалось утрачено или вовсе не известно.

Однажды в последний год своей жизни Татьяна Васильевна, призвав меня для важного разговора, поведала, что в нашей семье имеется святыня, которая передана ей на сохранение моим прадедом и ее отцом, Василием Алексеевичем Жировым. Он получил ее с целью тщательно сокрыть в семье и постараться сберечь; и святыня обнаружит себя уже после ее, бабушкиной, смерти. «Потом поймешь, о чем речь, сейчас не спрашивай, всему свое время, — уточнила она. — Просто запомни: до определенного момента она должна переходить к членам нашего рода по прямой женской линии. Ты примешь ее. А если дальнейшая передача будет уже невозможна, то место ей будет в новом храме, в котором нет собственной святыни. Похоже, что решать придется тебе...»

Я запомнила сказанное, хотя едва ли в тот момент поняла. Какой новый храм мог появиться тогда, в середине «застойных» восьмидесятых? Новостройки были совсем другие. Но яснее в 1984 году бабушка говорить не стала. Тем более что Советский Союз казался незыблем и могуч, а наша молодая семья — я и муж мой и единомышленник Вячеслав Дмитриевич Люты́й — были довольно спокойной парой.

Пощадив меня, как всегда и всех щадила, Татьяна Васильевна ничего не добавила тогда, в 1984 году, к своему наказу, только повторила: «Придет время — сама поймешь, только не забудь, сделай это».

После кончины бабушки многое стало меняться, причем события нарастали лавинообразно и развивались каким-то судорожным образом. Навалились проблемы бытовые и социальные, семейные, учебные, нездоровье; мой, а следом и Вячеслава, отъезд в Москву на учебу в Литературный институт; потом — неожиданный развал СССР, смерть моего отца, затем родителей мужа...

Очень показательный пример того, как много значат молитвы и само присутствие на земле праведника, и как разнится окружающий мир с ним — и без него. «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся...» — да, это именно так. Но это теперь мне понятно: многое хорошее случалось в моей жизни именно по молитвам бабушки. А тогда я, еще вполне самодельная церковная «захожанка», отнеслась к Православию скорее как к прекрасному историко-культурному наследию, радуясь, конечно, что в роду моем, как я знала, были истинно верующие и духовно просвещенные люди.

Итак, довольно долго этот круговорот событий определял наше домашнее бытие. Семейные иконы я из дома в Москву не увозила, только крестик, носимый с шестнадцати лет, был со мною везде. В столице душа моя была как будто не на месте, и я стала чаще ходить в храм — то сама, то с мужем; свечи поминальные я бабушке Тане ставила. Другим родным тоже, но ей — чаще и сердечнее всего. Все думала: «Вот не спасла я ее, а она просила...» Снилось мне Татьяна Васильевна часто, как будто напоминала о чем-то важном.

Со временем Господь дал нам с Вячеславом новое понимание Веры, новое ощущение семьи; через несколько лет мы повенчались в московском храме святых бессребреников Космы и Дамиана. В Воронеже мы с мужем по-прежнему бывали наездами, жили довольно трудно, учились и работали, в том числе и ночами. И в одно из посещений родного дома, помогая маме прибирать квартиру, выронила я бабушкину темную икону. Образ упал с небольшой высоты: я вытирала его над столом. Но от оклада вдруг отскочила задняя стенка, и открылась надпись... Это была «Ахтырско-Козельская» икона Божьей Матери.

Тут я и вспомнила о давней уже просьбе бабушки Татьяны Васильевны, поняла, о чем она напоминала мне во сне; мозаика сложилась. Стала расспрашивать знакомых, искать более подробную информацию — и узнала, что Вознесенский храм в Козельске не действует, а в его здании уже много лет находится мукомольный завод. Решила ожидать дальнейшего развития событий и оставила икону дома. Потом еще несколько раз узнавала о судьбе козельского Вознесенского храма — она все не менялась. А далее — передала икону, как и наказала мне бабушка, в новый храм, не имеющий святыни — строящийся храм святителя Антония (Смирницкого) в Воронеже.

В октябре 2019 года состоялась поездка моя в Козельск и Оптину пустынь для участия в юбилейных X Козельских чтениях, где история пребывания иконы в нашей семье была публично мною оглашена. А Вознесенский храм города Козельска, совсем недавно переданный Православной Церкви, начал медленное возрождение, в середине 2019 года приняв под свой кров небольшую женскую монашескую общину.